

Замчалов Григорий Емельянович

Великан

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Емельянович З.**
Великан: Рассказы / Замчалов Григорий Емельянович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
88 с.

ISBN 978-5-519-85619-5

ISBN 978-5-519-85619-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Клавдия смотрела себе на ноги. Я уж не стал рассказывать, как она подвела меня. Все-таки жалко: ведь ей целый год еще дожидаться школы. После обеда я ушел на улицу. Вечером прихожу — она держит мой букварь и хвастает:

— Федя, я уже шесть букв знаю. Вот эта, стульчиком, — Я, кружочком — О, с перекладной — А, воротами — И, две палки и поперек — П, а вот эта, паискосок палка, — И. Это мне мама показала.

Вот егоза! Лезет не в свое дело. Главное, чужие книги берет. Испачкает, тогда мне Анна Ивановна что скажет? Я налетел на нее так, что она со страху чуть под кровать не залезла. Вот пускай еще тропет хоть одну книжку — увидим, что ей будет. Она в слезы. Как раз в это время зашел дядя Миша. Он стал утешать ее:

— Ничего, Клава. Ты наплюй на него. Я тебе такие же куплю. У него будут свои, у тебя свои.

Я думал, он шутит. Нет, правда купил. Вот чудной, зря деньги истратил. Ведь ей семь лет только. Зачем ей книги? Только рвать. Она куклы — и то все порвала.

У дяди Миши своих детей нет, вот он и любит Клавдию. Она у них сто раз в день бывает. Когда начались морозы, она и ночевать у них стала. По целым неделям не приходила домой. Я и рад: по крайней мере, никто не мешает.

А то она себе моду взяла: только откроешь книгу, она стапет за снипой и смотрит через плечо, как будто понимает что. Я раз прочитал вслух «ещэ»; она говорит:

— Да не «ещэ», а «ещѣ». Разве так говорят: «ещэ»?

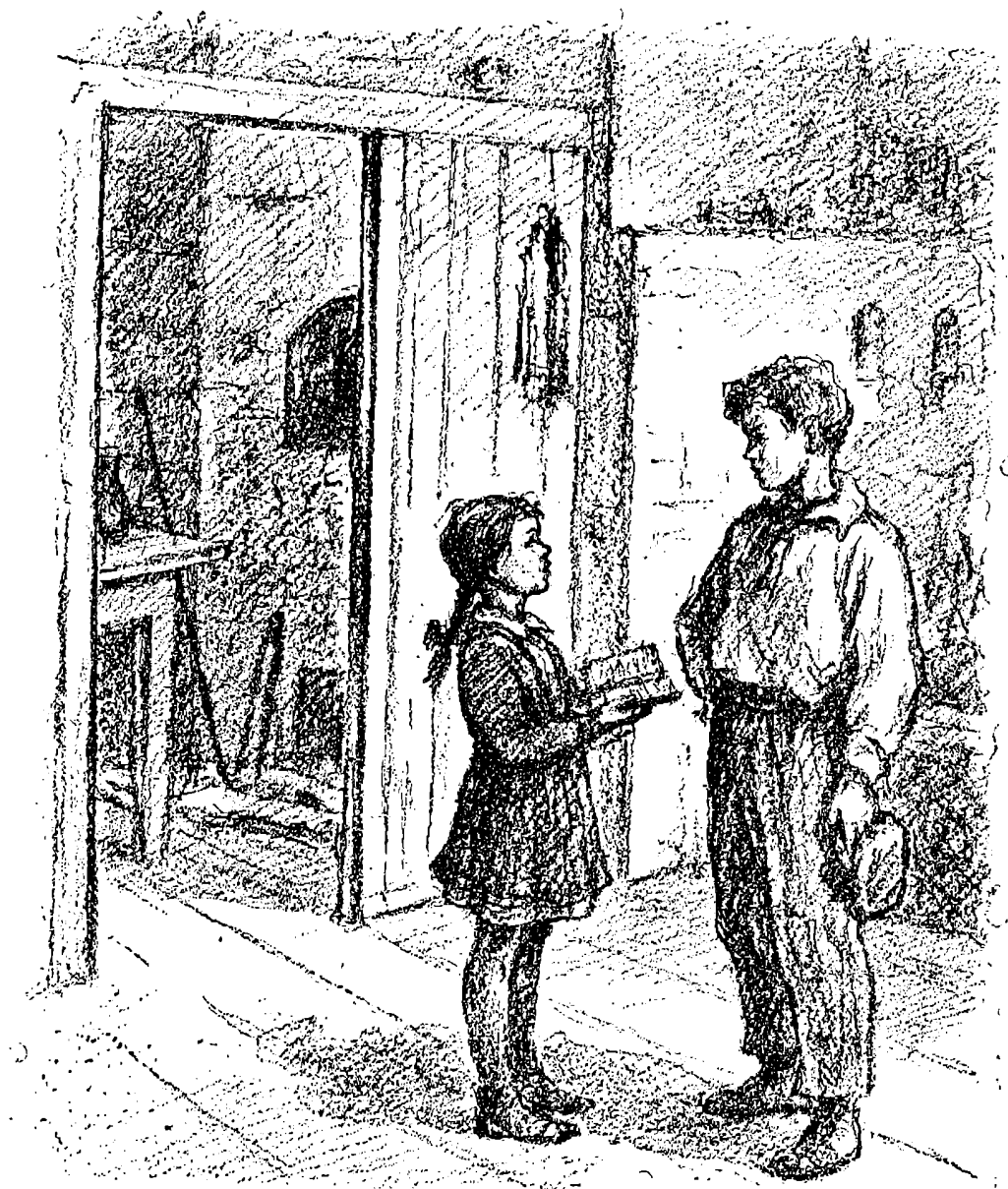
Я и внимания не обратил: она ведь не знает, как надо по-книжному. Но в другой раз она влезла при тате. Я прочитал: «муш»; она засмеялась:

— «Муш»! Сам ты муш! Там, паверно, «мышь» написано.

— Тятя, ну пускай она не вмешивается! Откуда она может знать? Может, тут вовсе «топор» написано.

— Нет, не топор. Я знаю, знаю!

Тятя пасилу отогнал ее от стола. Вот приставучая! Правда, что реней.

Владя держит мой букварь и хвастает: «Федя, я уже шесть букв знаю».

IV

Зимой, перед самыми канюкулами, было рождение Вани Арбузова. Меня позвали вместе с Клавдией, но я ей ничего не сказал. Пеловко же тащить с собой маленькую, когда там одни ученики будут. Потом, самое главное, надо придумать подарок. А это знаете как трудно? Я и то насилу придумал.

Ванина мать наварила и папекла, как на свадьбу. Ребят пришло — чуть не весь наш класс. Даже Анна Ивановна пришла. Ваня каждого встречал у дверей и принимал подарок: либо конфеты, либо игру какую-нибудь. Я подарил ему свой лук и стрелы. Это ему понравилось больше всех, я по глазам видел.

Мы сперва долго сидели за столом. Потом Ванин брат завел патефон. Кто умест, пошли танцевать, а кто не умест, тоже пошли — учиться. Потом мы играли во всякие игры, пели песни, опять танцевали.

Вдруг, в самый разгар, ввалилась наша Клавдия. В одном платье, без шапки — видно, прямо от дяди Миши. Подмышкой у нее какая-то книга. Она стала у двери и покраснела, как редиска. Все ребята замолкли и смотрят то на нее, то на меня.

Я думаю: «Вот когда она опозорила меня! Это она на пироги прибежала, как будто голодная. Теперь вся школа будет знать. Хоть бы догадалась поздравить Ваню!» Нет, стоит у двери и молчит. Одна девочка позвала ее к нам — она ничего ей не ответила. Ванина мать хотела посадить ее за стол — она покачала головой, как немая, и подошла к Анне Ивановне. Тут она совсем задохнулась. Ни слова не может выговорить. Наконец одними губами прошептала:

— Я... прочитать. Вы меня только спросите.

— Что, деточка? Я не понимаю, что тебя спросить?

— Чтобы я прочитала. По книжке. Я умею.

— Ах, вон что! Ну, хорошо. Только у меня с собой нет... Ваня, твой букварь далеко?

Клавдия подала ей свою книгу, но это оказался не букварь, а настольная, с мелкими буквами.

— Нет, деточка, эта тебе не годится. Тебе надо полегче.

— Ничего, я и по этой могу.

В комнате все засмеялись. Я прямо не знал, куда спрятаться от стыда. Клавдия взяла книгу, открыла рот. Она еще ничего не

сказала, а все уже опять засмеялись. Анне Ивановне самой смешно было, но она все-таки остановила их:

— Тише! Дайте девочке почитать.

Ребята притихли. И вдруг я услышал, как наша Клавдия начала бойко вычитывать. Как трещотка: та-та-та-та. Я встряхнул головой, думал — ослышался. Нет, и другие ребята тоже все рты поразили. Даже Анна Ивановна удивилась:

— Ой, какой ты молодец! Тебе сколько лет-то?

— Семь. Я и писать умею и складывать. Мы с дядей Мишей вместе учились, каждый вечер. А еще я стихи сочинила, сама.

— Да что ты говоришь! А ну, прочитай! Или ты паизусть помнишь?

Клавдия взяла свою книгу, обеими руками протянула Ване и на память прочитала настоящий стих:

Мы счастливей всех на свете,
Потому что—в СССР.
Вани, вот тебе подарок
От Молчановой от Клавы,
Чтобы ты его читал
И заботы бы не знал.

Ух, что тут поднялось! Все захлопали в ладоши. Клавдию чуть не разорвали на куски. Каждый тянул ее к себе. Анна Ивановна не отходила от нее весь вечер. Когда кончили, она запахнула ее в свою шубу и так повела к нам домой. Я пришел, они сидят с мамой и тятей. Анна Ивановна гладит Клавдию по голове и говорит:

— Ну вот, Клава, если тебе так хочется, то завтра же можешь приходить в школу.

ТАЙНОЕ МЕСТО

В поле стоял походный вагон. Возле него была вырыта четырехугольником узкая канава. В ней как раз умещались ноги до колен. Получалось, как будто со всех сторон скамьи, а в середине стол, покрытый зеленой травой. Вся бригада завтракала. Слева от меня сидел мой папа, справа — Володя «С места не сойти».

В середине завтрака подошла кухарка. Колхозники заговорили про обед, стали жаловаться: мясо надоело, хоть бы рыбки сварила. Она говорит: рыбы взять негде; пускай наловят, тогда она сварит. Тут Володя возьми и бухни:

— Хотите, мы вам наловим рыбы?

Я его незаметно толкнул в бок. Дедушка Савелий тоже хотел его выручить. Он сказал, что теперь на целую бригаду не наловить: рыбы с весны-то мало было, а теперь и вовсе повыловили всю. Но Володю уже нельзя было удержать.

— Мы, — говорит, — с Петей наловим. Мы такие места знаем: ловить — не переловить. Что, не верите? Вот с места не сойти!

Папа сердито спросил меня, правда ли это. Я промолчал. У меня язык будто приклеился. Неловко же про своего товарища, с которым ты вместе пришел, сказать: «Не верьте ему, он натрепался». А Володя разошелся, кричит кухарке:

— Тетя Катя, завтра готовь для ухи все! У тебя сковородка есть? Мы и на жареново принесем.

Когда все разошлись, я начал ругать его, а он и мне то же самое:

— Чего ты? Я и правда знаю. Вот с места не сойти! Что, не веришь? Ну вот увидим!

Мы взяли из дома четыре вентера. Тащили их на себе два километра, все взмокли. Володя был за командира. Он привел меня на озеро. Мы взяли в кустах лодку и поехали. Один вентер он поставил на середине, между двумя пучками камыша.

— Вот. Тут самые караси. Полно ведро будет — с места не сойти!

Вынул из кармана кусок хлеба, крошил в воду. Из другого кармана вынул банку с червями. Кидает их по одному и бормочет себе под нос:

Ловись, ловись, рыбка,
Ложись тут, как в зыбку.
Ни много, ни мало —
Сорок штук попало
Вам на похлебку,
Нам на уху.

Остальные вентеры мы расставили в разных местах. Он каждый раз крошил в воду хлеб, кидал червей и бормотал свою приговорку.

Когда шли домой, он велел мне сказать папим, чтобы они завтра тоже готовились уху варить. Я только рукой махнул. «А ну тебя! — думаю. — Как мы теперь в бригаду покажемся? Еще хотели на комбайн проситься».

Вечером подул холодный ветер, нагпало тучи. Я падел фуражку, сапоги, пиджак, Володя — полушубок. На всякий случай захватили удочки и еще червей: мало будет, так пойдем на речку удить.

Пришли на озеро, сели в лодку. Он все время шептал свою «Ловись, ловись, рыбка». Первым делом выехали на середину. Он вытащил один кол, приложился к нему ухом и тихонько засмеялся.

— Слушай, слушай! Ох, и рыбы! Зачем ты ведра оставил на берегу? Во что мы теперь класть будем?

Стали потихоньку вытаскивать. Я тоже услышал, как рыба трепещет. Показался первый обруч. Я схватил его и потянул к себе. Вдруг Володя вскрикнул:

— Ой, лягушки! Они нам бородавок пасажают.

Я увидел на сетке двух жаб, огромных, зеленых. Темного по-
дальше сидели еще. Мы насчитали их девять штук. А рыбы —
ни одной. Поехали к другим вефтерям — там то же самое. Во всех
четырёх сетях мы наловили тридцать три большие лягушки и
три маленькне горбатые рыбки. Вылавливать их надо было ру-
ками, потому что жабы напугались и прыгали, как собаки. А ста-
нешь вытряхивать, они лапами держатся за сетку. Володя трусил
их. Он сперва стоял в стороне и только кричал:

— Вон, вон еще одна! Дай ей хорошенько по затылку!

Но я выловил пятнадцать штук и больше не стал. Теперь, го-
ворю, пускай он сам попробует. Он зажмурил глаза и начал ша-
рить, как слепой. Нашарит одну — весь сморщится, три раза плю-
нет и выбросит. Кончил — тогда только открыл глаза. Посмотрел
на меня и захохотал:

— Ты что это? Как мокрая курица. Думаешь, не поймает?
Это рыба ветра испугалась. Давай еще раз поставим. Смотри: ста-
ло тихо, тепло. Утром полно будет. Не веришь, да?

Конечно, я не верил, но мы все-таки поставили и поплы на
речку. Володя привел меня еще на одно «секретное место» — там,
говорит, рыба кишмя-кишит. Мы просидели там дотемна и пой-
мали всего шесть окуньков. Тогда мы решили остаться почевать:
на утренней заре, говорят, рыба идет лучше всего.

Ночь была теплая, но на рассвете мы замерзли. Встали, попры-
гали, чтобы согреться, и — снова удить. Рыба клевала плохо.
Солнце взошло высоко, а у нас в ведре было только двенадцать
окуней.

Володин поплавок плыл, плыл по воде и вдруг весь окунулся.
Темного погода — опять. У нас прямо дух захватило: так клюет
только большая рыба. А вдруг сом кило на десять? Володя одной
рукой зажал рот, чтобы не засмеяться, а другой осторожно дер-
нул. Лёса натянулась, вот-вот лопнет. У Володи глаза сделались
круглые, большие.

— Водить начинает! С места не сойти, сом! Ой, только бы лёса
выдержала! Помогай, Петя: вместе же понесем в бригаду.

Мы стали тянуть вместе. Хотя руки у нас тряслись, но мы
чуяли: поймалось что-то огромное. Оно подавалось с трудом, по-
спасибо, не кидалось из стороны в сторону, как сом. А то бы про-
пала лёса.

Вдруг из воды показался мокрый черный суточ. Тыфу, чтоб ты сгорела: коряга! Крючок зацепился. Пришлось нам лезть в воду и отцеплять его. Володя так прозяб, что потом до самого конца не раздевался. Жара, а он в полушубке.

После речки мы побежали на озеро. Осмотрели вевери — в них опять ничего нет. Я начал уговаривать Володю идти домой: все равно теперь у нас уж ничего не выйдет. Но он и слышать не хотел.

— Зачем домой? Ты погоди еще. Пойдем, я тебе покажу самое-самое секретное. Там еще никто не ловил. Вот честное слово!

Мы взяли только удочки с ведрами. Он долго вел меня по лесу, потом вывел в поле, недалеко от нашей бригады, где мы вчера завтракали.

— Вот. Разматывай удочки.

Я схватился за живот и давай хохотать. Верно, тут никто никогда не ловил. Потому что и ловить нечего. Это даже не пруд, а болото на голом месте. В него даже скотину поить не гоняют. Я повернулся и пошел домой, но Володя вцепился в меня обеими руками:

— Петя, ну что тебе — жалко? Ну, немножко, одну минуту... Если не хочешь, то посиди только рядом.

Мы сели на высоком, крутом берегу. Он разматал удочки и закинул. Минут десять было тихо. Потом он вскочил и нагнулся над берегом, сам не хуже удилица.

— Ага, что! Я говорил, я говорил! Смотри: клюет.

Ловись, ловись, рыбка,
Ложись тут, как в зыбку.
Ни много, ни мало...

Он схватил удочку и хотел дернуть. Тут глина под ним обвалилась. Он чудно взмахнул руками и прямо в полушубке полетел вниз. Вода от него брызнула, как от кита. Он крикнул и начал барахтаться. Я уже хотел прыгать, спасать его, но он сам вылез: там было ему по шейку.

Выбрался на отлогий берег, уже ступил на сухое — и вдруг опять как закричит! Я никогда не слышал, чтобы так страшно кричали. Он упал лицом в землю, дрыгал ногами и вопил, как зарезанный: «О-ё-ёй! О-ё-ёй!» Я подбежал, спрашивая, где болит. Он показал себе на спину и завопил еще сильнее. Я отвернул его

Тьфу, чтоб ты сгорела: коряга!

полунубок и увидал большой рыбий хвост. Он дергался и хлестал Володю по спине. Красная чешуя его блестела на солнце.

Это был большущий карась, почти сазан. Он с испугу залез под сборки и там запутался в мокрой шерсти. Когда я вытащил его, Володя сразу успокоился.

— Ага, что! Ты говорил, тут нет ничего, да? Тут их — кипмя-кипит. Вот с места не сойти! Я сам слышал, как они стучались об меня головами. Айда скорей за бреднем!

Я хотел сказать, что, может быть, лучше еще раз попробовать вентери, но он опять уже не хотел ничего слышать.

Принесли бредень, разделись. Первый раз зашли на середину, где поглубже. Шагов двадцать прошли — бредень стал тяжелый, будто в него глины наклали. Я говорю:

— Наверно, мы водяной травы захватили.

Володя шипит на меня:

— Молчи уж лучше! «Травы»! Сам ты трава!

Тут он с головой нырнул в воду. Вынырнул, отдышаться не может.

— Ф-фух, чуть не утонул! Тут яма! Хорошо, что бредень не упустил.

Прошли еще немного — он опять нырнул. На этот раз копец бредня выскользнул у него. Но он сейчас же его поймал.

— Ф-фух! Пойдем к берегу. Наверно, уже поймалось.

— Да где поймалось? Ты только и знаешь — пырять. Всю рыбу распугал!

Кос-как дотоптались до берега. Я глянул — и не верю глазам своим. Как будто во сне: караси прыгают прямо через край. Стали выбирать — полное ведро! Зашли второй раз, Володя не успел даже пырять как следует, — опять полное ведро. А больше и класть не во что. Тогда мы решили так: это отнесем в бригаду, а про место никому не скажем. Надо будет — ночью придем, потихоньку паловим, и — опять молчок.

В бригаде нас прямо на руках подкидывали. Ко мне десять человек приставали — сказать, где это место, но я молчал. А Володя сразу забыл про наш уговор и бухнул:

— Да вон там, в болоте. Их там видимо-невидимо!

Через три дня наше болото уже вычистили, только на развод оставили. Ну, ничего. Зато в бригаде мы теперь желанные гости. На комбайн нас пускают, когда захотим.